

Киевский национальный университет имени Тараса Шевченко

Издательский дом Дмитрия Бугаго

Научное издание

«ЯЗЫК И КУЛЬТУРА»

Выпуск 21

Том VI (195)

Киев
2018

М 74 МОВА І КУЛЬТУРА. (Науковий журнал). – К.: Видавничий дім Дмитра Бураго, 2018. – Вип. 21. – Т. VI (195). – 340 с.

Наукове видання «Мова і культура» засноване у 1992 році

Видання зареєстроване Міністерством юстиції України.

Свідоцтво КВ № 12056-927ПП від 4.12.2006 р.

Затверджено постановою президії ВАК України

від 18 листопада 2009 р. № 1-05/5

ISSN 2522-4948 (Online), ISSN 2522-493X (Print)

Засновники:

Київський національний університет імені Тараса Шевченка

Видавничий дім Дмитра Бураго

Видається за рішенням Вченої ради Інституту філології

Київського національного університету імені Тараса Шевченка від 19.02.2007 р.

Головний редактор Д. С. Бураго

Редакційна колегія:

д-р філол. наук, проф. **С. Д. Абрамович**, канд. філол. наук, доц. **П. П. Алексєєв**;
д-р філол. наук, проф. **В. М. Бріцин**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України **Ю. Л. Булаховська**; д-р філол. наук, проф. **О. П. Воробйова**; д-р філол. наук, проф., академік АН ВШ України, заслужений працівник ВШ України **Л. П. Іванова**;
д-р філол. наук, проф. **Т. В. Клеофастова**; д-р філол. наук, проф. д-р філол. наук, проф. **Ю. І. Корзов**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Костенко**; д-р філол. наук, проф. **О. О. Корнієнко**,
д-р філол. наук, проф. **Г. Ю. Мережинська**; д-р філол. наук, проф. **А. К. Мойсієнко**;
д-р філол. наук, проф. **Ю. Л. Мосенкіс**; д-р філол. наук, проф. **Н. Г. Озерова**; д-р філос. наук, проф., академік НАН України **О. С. Онищенко**; д-р пед. наук, канд. філол. наук, проф. **Г. В. Онкович**; д-р філол. наук, проф. **Т. А. Пахарєва**; д-р філол. наук, проф. **Г. Ф. Семениук**; д-р філол. наук, проф., академік НАН України, заслужений діяч науки і техніки України **В. Г. Скляренко**; д-р філол. наук, проф. **Н. В. Слухай**; д-р філол. наук, проф. **О. С. Снитко**; д-р філол. наук, проф. **Е. С. Соловей**; д-р психол. наук, проф., член-кор. АПН України **Н. В. Чепелева**.

закономерности метафорической концептуализации наименований эмоций, а также раскрывается роль метафоры как универсального когнитивного механизма оценки и интерпретации внутреннего мира человека.

Ключевые слова: наименование эмоций, концептуализация, метафора, семантика, языковая картина мира.

Askerova I.A., Ph.D (Linguistics)

Kyiv national pedagogical university, Kyiv,

METAPHORICAL EMOTIONAL STATE IMAGES IN THE POLISH LANGUAGE PICTURE OF THE WORLD

This article examines the metaphorical fragment of the Polish language picture of the world on the example of namings of joy as one of fundamental emotions of the human being. On the basis of profound semantics and lexem structure description which form the core of joy semantic micro-field as well as metaphorical phrases composition which includes lexem radość and wesolość analysis the examined psychic phenomena in the Polish language consciousness images are recreated. Patterns of metaphorical morphological conceptualization of emotion namings are discovered as well as the metaphor role as a universal cognitive evaluation mechanism and the inner world of a man interpretation.

Key words: emotion naming, conceptualization, metaphor, semantics, language picture of the world.

УДК 811.161.1

Козлов Е.Д., канд. филол. наук

Национальный техн. ун-т «Харковский политехн. институт», Харьков

Козлова А.Г., канд. филол. наук, доцент

Харьковский нац. пед. ун-т имени Г.С. Сковороды, Харьков

АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ

В статье рассматриваются различные случаи функционирования антропоморфной метафоры в творчестве одного из наиболее ярких представителей поэзии «шестидесятников» – Беллы Ахмадулиной. Сделан вывод, что поэтесса активно использует глагольную метафору, антропоморфную деталь, различные виды антропоморфных эпитетов, реализуя принцип отделённости от человека, перенесения во внешний мир его внутренних свойств, качеств и состояний, автономизации частей человеческого тела и т. п. В ряде случаев антропоморфизм приобретает текстообразующую функцию.

Ключевые слова: антропоморфная метафора, олицетворяющая деталь, реализация метафоры, риторическое обращение, онимизация апеллятива.

© Козлов Е.Д., Козлова А.Г., 2018

Исследователи указывают на то, что при характеристике особенностей поэтического идиостиля того или иного автора чрезвычайно важную роль выполняет анализ специфики функционирования в его текстах тропов как единиц поэтического языка (ПЯ), «установление специфических признаков тропеических средств, связанных с их текстовым употреблением» [7: 10]. Особый интерес для изучения представляет метафора как лингвостилистический и композиционный прием, характеризующий поэтический язык в системе конкретного идиостиля.

Целью нашей статьи является анализ функционирования антропоморфной метафоры в творчестве одного из наиболее ярких представителей поэзии «шестидесятников» – Беллы Ахмадулиной.

Антропоморфная метафора является частным случаем олицетворения, при котором неодушевлённый объект или явление наделяется не просто свойствами, качествами, способностями живого существа, но именно человеческими свойствами, уподобляется человеку, «очеловечивается».

Вопрос о роли и функциях олицетворения в поэтическом тексте уже становился предметом внимания филологической науки. Ему посвящён отдельный раздел коллективной монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке» [7], где рассмотрены как общие теоретические вопросы, связанные с языковыми признаками олицетворения, его соотносённостью и взаимодействием с другими тропами, универсальными моделями и т. п., так и функционирование олицетворения в идиостиле ряда конкретных авторов – И. Анненского, С. Есенина, Б. Пастернака, Н. Рубцова, Н. Матвеевой, Б. Ахмадулиной. К проблеме использования родовых грамматических значений слов при олицетворении обращались И. А. Ионова [3] и Е. А. Скоробогатова [8]. В монографии Я. И. Гина [2] дано грамматическое обоснование родо-половой мотивации при олицетворении на фольклорном материале. В статье Л. П. Черкасовой «Выражение антропоморфности в лирике Б. Пастернака» [9] представлен образец анализа средств создания антропоморфной метафоры в поэзии Б. Пастернака.

В коллективной монографии «Очерки истории языка русской поэзии XX века: Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке» [7] охарактеризованы универсальные модели олицетворения. При этом наиболее универсальным способом создания олицетворения авторы справедливо называют «прием “перевёртывания” реальных связей между человеком и окружающим его миром», выделяя такие его виды, как «перестановка связей и соотношений человека и природы» [7: 48], «перемена связей и позиций элементов зафиксированной ситуации» и «обращение к неодушевлённому объекту» [7: 53]. Все эти способы олицетворения можно найти в поэзии Ахмадулиной. В большинстве случаев они связаны с использованием в тексте антропоморфной метафоры.

Часто основу антропоморфизма составляет приписывание неживому объекту или даже абстрактному понятию способности к человеческим действиям, выраженной глагольной метафорой: *Встревожится квартира ваша...* («Нежность») [1: 22]; *...врасплох нас наблюдала необъятность...* («Памяти Бориса Пастернака») [1: 62]; *...сам самовар нам чай нальет в стаканы* («Симону Чиковани») [1: 67]; *Как грубо шутит первый день апреля!; Стихи всегда приврут...* («Зачем он ходит? Я люблю одна...») [1: 246–247]; *Город знает про сговор и тоже придет; Этот город, к высокой допущенный встрече,*

/ *сострадания просит, а делает вид...* («Рвно полночь, а ночь пребывает в изгоях...») [1: 268–269]; *Три кресла, стол, диван за ловлею рубина / участливо следят* («Дворец») [1: 346]; *Гром отвечал ему* («Гроза в Малеевке») [1: 347]; *Но так играет в шахматы эпоха...* («Надпись на книге») [1: 522].

Использование глагольных метафор является, по нашему наблюдению, самым регулярным способом создания олицетворения у Ахмадулиной, что вполне характерно для русской поэтической традиции в целом.

Объекты внешнего мира активно взаимодействуют с лирической героиней Ахмадулиной и одушевляются в соответствии с её мировосприятием: *Я знала: электричество строптиво, / за что его и невзлюбил ремонт <...> Будильник мой давно был невменяем / И жил по усмотренью своему <...> Вдруг ожил телефон разбитый – / соперник сьединенья голосов* («Видение розы») [1: 368]; *Нас одурачил нынешний сентябрь / с наивностью и хитростью ребенка* («Нас одурачил нынешний сентябрь...») [1: 28]. В стихотворении «Непослушание вещей» душевное состояние лирической героини передаётся через персонификацию «непослушных» вещей, чей *норов крут* [1: 199–200].

Использует поэтесса и принцип «перевёртыша», реализуемый через приём «перемены мест значимых элементов высказывания или предложения в позиции субъекта и объекта» [7: 50]: *...любой предмет глядит с кокетством женским, / красуется, следит за каждым жестом, / нацеленным ему воздать хвалу* («Ночь») [1: 78].

Ахмадулина активно использует принцип отделённости от человека, перенесения во внешний мир, автономизации его внутренних свойств, качеств и состояний: *...их страх глядит на нас...* («Ивановские припевки») [1: 333–334]; *...зрачком суровым / любовь моя глядит из темноты!* («Ночь») [1: 79]; *Ум изнемог и ослабел...; Возрос мой голос и напргас* («Посвящение») [1: 534]; *Всё чаще голос твой... – / из чащ каких? Из куц? – / приходит в сны мои, / прощай... оклика...* («Всё чаще голос твой...») [1: 528]. Конечно, в ряде случаев при очевидности использования приема персонификации антропоморфизм можно оспорить, в последнем же из приведенных примеров его присутствие не вызывает сомнений.

Нередко в поэзии Ахмадулиной подвергаются автономизации и антропоморфизации отдельные части человеческого тела: *Лоб ... пал ниц и возлежит. Ладонь – его носитель. / Под заумью его не устоял хребет* («Так запрокинут лоб, отозванный от яви...») [1: 342]; *Играла бы ладонь вещицей золотою <...> и был бы дну воды даруем ключ ладонью...* («Ларец и ключ») [1: 343]; *Лоб занимался помысла ростком; Лоб предавался черноплодной тьме; Возбрел лоб, приняв часу в шестом / за свой успех поспеиность кофеина* («Я возжигала в полночь две свечи...») [1: 529]; *...в латунь влюблённая рука, / рука, пленённая латунью* («Экспромт Кобе Гурули») [1: 537]. В последнем примере очеловечивание осуществляется за счет использования антропоморфных метафорических эпитетов. Подобные средства наделения неживых объектов человеческими качествами представлены в поэзии Ахмадулиной достаточно широко: *Я глажу тонкую калину / по загорелому столу* («Садовник») [1: 56]; *...семь грустных дней* («Зачем он ходит? Я люблю одна...») [1: 246–247]; *Мне дан талант – её талант любить: / капризный, вольный, с прочими не схожий* («Ночное посвящение») [1: 523]; *Грипп в октябре – всевидяц, как Господь* («Вступление в простуду») [1: 59]. В последнем случае антропоморфизация поддерживается также использованием соответствующего сравнения.

Нередко встречается и комбинация средств антропоморфизма. Например: *...где шприц свирепствует гуманный...* («В реанимации туманной...») [1: 535] (на очеловечивание работает и прилагательное, выступающее в функции определения, и глагол-сказуемое).

Функцию создания антропоморфизма может выполнять метафорический эпитет, выраженный существительным и являющийся в тексте приложением: *Не пожелал ответить на вопрос / садовник-лоб, имеющий в виду / вот этих строк невзрачное растение*. Подобный приём в поэзии Ахмадулиной используется регулярно: *Шпиль-судия, прости!* («Рига») [1: 545]; *Смысл-незнакомец* («Я лишь объём, где обитает что-то...») [1: 242]; *День-Свет* («День-Рафаэль») [1: 231]; *сад-всадник; сад-охранитель* («Сад-всадник») [1: 232–233]; *Друг столб; столб-конфидент* («Друг столб») [1: 255]; *день-злодей* («Ивановские припевки») [1: 332]; *звук-подкидыш; звук-приёмыш* («Постоялец вникает в реестр проявлений...») [1: 341]; *Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет, / от соседства-родства упасённый отшибом* («Под горой – дом-горюн, дом-горыныч живет...») [1: 307]. В этом ряду обращают на себя внимание словосочетания *брат-комната* («Ночь на 30-е апреля») [1: 252]; *День-Божество; День-Совершенство* («День-Рафаэль») [1: 231]; *волокига-рыцарь* («Вошла в лиловом в логово и в лоно...») [1: 324], отличающиеся родовой рассогласованностью.

В стихотворении «Мазурка Шопена» развертывание антропоморфной метафоры связано с использованием олицетворяющей детали – характерного для поэзии XX века общепозитического приема. Ахмадулина выстраивает целый ряд таких не просто олицетворяющих, а именно очеловечивающих деталей, связанных с ключевым антропоморфным эпитетом-приложением: у девочки-мазурки появляются различные человеческие атрибуты – голова, плечи, руки, лицо: *...стояла девочка-мазурка, / покачивая головой; с бедными плечами, / по-польски личиком бела, / разведала мои печали и на себя их приняла?// Она протягивала руки...* [1: 18].

Использование антропоморфной детали является регулярным в поэзии Ахмадулиной. Например: *...доверчивый недуг / к ней обращает руки?* («Зима») [1: 50]; *Где хруст и лязг возьмут умения и терпенья, / чтоб дланью не схватить и не зацелкнуть пасть?* («Ларец и ключ») [1: 343]; *...дуб длани воздевал, как мученик в костре* («Гром в Малеевке») [1: 347]; Нередко такая деталь оказывается включённой в состав генитивной метафоры, в которой используется родительный принадлежности: *голосок предмета* («Ночь») [1: 78]; *жест зимы* («Зима») [1: 50]; *...уста / снегопада, обрывая, куста* («Немота») [1: 80]. В некоторых случаях родительный падеж в составе генитивной метафоры имеет значение субъекта или носителя признака: *знев граммофона; Мы-то любимцы созвездий; баловни / беды дарующей, пристальной силы* («Крепнет и множится вихрь, обрывающий...») [1: 544].

Нередко функцию создания антропоморфизма в текстах Ахмадулиной выполняют риторические обращения к предмету, явлению или чувству как очеловечиваемому объекту. Например: *О одиночество, как твой характер крут!* («По улице моей который год...») [1: 21]; *О боль, ты – мудрость* («Болезнь») [1: 51]; *Смотри, природа...; Ну что ж, земля, сегодня – отдых мой...; Прощай, соблазн воскресный!* («Воскресный день») [1: 52–54]; *Как строить твой портрет, дородное палачо?* («Портрет, пейзаж и интерьер») [1: 350]; *Не мучь, о музыка, не снись!* («Посвящение») [1: 533]; *Театр, кланюсь, я*

не умру, покуда / не отслужу твоих восьми колонн...; **Театр**, но что меня с тобой свело? («И волос бел, и голос побелел...») [1: 547–548]; **Ударь в меня, как в бубен, не жалей, / озноб, я вся твоя! Не жить нам розно!** («Озноб») [1: 576] (выделено нами. – Е. К., А. К.).

Порой стихотворение целиком строится в форме риторического обращения лирической героини к некоей неживой субстанции, переводя её в ранг полноценного собеседника («Звук указующий» [1: 243]; «Луне от ревнивца» [1: 247–249] и др.). Одним из наиболее ярких примеров подобного рода может служить основанное на принципе автономности, отделённости от человека, перенесения во внешний мир его чувств (в данном случае чувства любви), стихотворение «Любовь моя, Ваш день рожденья...» [1: 538], в котором любовное чувство персонифицируется, а олицетворение выполняет текстообразующую функцию. Темой этого стихотворения является рождение любви лирической героини, *восход* любви и осознание её как основы бытия, соединяющей бренное и вечное, земное и небесное: *Любовь моя, Ваш день рожденья / я ныне начала, когда / в свой срок, сокрытая от зренья, / взошла полночная звезда. <...> Рассвет июльских первых суток, / безумная, я приняла / за Ваш триумф, за мой поступок / во славу Вашего числа* [1: 538]. Не случайно поэтесса использует заглавную букву в написании местоимений «вы» и «ваш»: *Любовь моя, Ваш день рожденья...; ...о Вас молился бред строки; Всё, что меж мной и Вами было...; ...светило / сбылось и относилось к Вам; ...за Ваш триумф, за мой поступок / во славу Вашего числа; ...я – Ваша выдумка, я вздор; ... неразлучны Вы и я* (выделено нами. – Е. К., А. К.) [1: 538].

Персонифицируя, антропоморфизировав любовное чувство, поэтесса обожествляет его. С этой же целью в самом начале стихотворения используется интертекстуальный элемент (аллюзия к евангельскому тексту), который работает на это обожествление, уравнивая роль любви в жизни лирической героини (и, пожалуй, человека вообще) с той ролью, которую сыграл Христос в истории человечества: *Любовь моя, Ваш день рожденья / я ныне начала, когда / в свой срок, сокрытая от зренья, / взошла полночная звезда* (выделено нами. – Е. К., А. К.) [1: 538]. Восход полночной звезды ассоциируется в данном контексте с Вифлеемской звездой, «провозгласившей» о рождении мессии. А выражение *Ваш день рожденья / я ныне начала...*, усиливая подобную ассоциацию, соотносит историю рождения любви лирической героини с началом летосчисления от Рождества Христова. Идея обожествления любви поддерживается и далее в тексте стихотворения, находя непосредственное выражение в его последней строфе: *И раздается смех небесный, / я знаю: день житья-бытья / что значит по сравнению с бездной, / где неразлучны Вы и я?* (выделено нами. – Е. К., А. К.) [1: 538]. Вполне очевидно, что слово «бездна» в данном контексте является синонимом вечности.

В некоторых случаях неодушевленный объект становится участником внутритекстового диалога: *Дом клялся мне, что никогда / он этой женщины не видел. / Он говорил: – Я пуст. Я пуст. – / Я говорила: – Где-то, где-то... / Он говорил: – И пусть. И пусть. / Входи и позабудь про это («Твой дом!») [1: 26]; «Возьми!» – сказала мне природа / о чистых струях родника; – Ну пей же, пей, – земля просила, – / кунайся, запускай суда. / – Да, да, – сказала я, – спасибо, / какая чистая вода («Глубоким голосом пророка...») [1: 54]; Окликнул семинар: «Куда идешь, Иван?» / «На Кубу, семинар, всё наше устремленье». / Дивится семинар столь дальним именам («Ивановские припевки») [1: 333]. В диалоге лирического героя с олицетворяемым объектом, полагает А. Г. Нарушевич, наиболее*

четко проявляются признаки «олицетворения психологического вида» [6: 90]. Как показала И. И. Ковтунова [4], поэтический текст обладает повышенной диалогичностью, в нём «возможны обращения к любым вещам, существующим в мире», к лицам и не лицам [4: 96]. Приведенные нами примеры позволяют говорить о том, что в текстах Ахмадулиной встречаются не только многочисленные обращения к неодушевленным объектам, но и случаи стилизации реального диалога.

Наряду с традиционными способами Ахмадулина использует и менее регулярные. Так, в её стихах встречаются единичные примеры, когда основой антропоморфизма становится онимизация апеллятива: *Где о Театре речь – там нет моей гордыни; Опять Театр возжег возвышенные свечи...* («Александру Моисеевичу Эскину») [1: 539]; *Я хочу Театра / восславить неземные сны* («Пишу – весь день, всю ночь, всё утро...») [1: 532]. *Я с Ёлкой бедною прощаюсь: / ты отцвела, ты отгуляла. / Осталась детских щёк прыщавость / от пряников и шоколада* («Изгнание Ёлки») [1: 365]. В некоторых случаях в используемой в текстах Ахмадулиной фигуре обращения происходит трансформация топонима в антропоним: *О Латвия моя, пребудешь ты сохранный* («О Латвия моя, не тот я, кто своею...») [1: 382]; *О Латвия моя, куда-то переносит / сюжет судьбы меня, прельщая и маня <...> О Вентспилс, моря берег и каждый камень знают / всё то, чего узнать не смею, не смогу* («О Латвия моя, куда-то переносит...») [1: 383]; *Как я люблю, о Рига, / все острия твои, пронзившие восход* («Рига») [1: 545].

Одной из характерных особенностей картины мира Ахмадулиной является представление о единстве и слитности не только всего живого, но и вообще всего сущего. Подтверждением этого становится широкое использование поэтессой наряду с приёмами персонификации и антропоморфизма противоположных приемов – овеществления и зооморфизма (реже фитоморфизма). Так, в стихотворении «Воздух августа: плавность усад и услуг...» подобное мировидение находит вербальное выражение в последней строфе, где у лирической героини – женщины, которая не только душой, но и, кажется, всем телом реагирует на изменения, происходящие в природе, *в убывающем лете*, появляются зооморфные признаки: *Сквозь растенья, сквозь хлесткую чащу воды, / принимая их в жабры, трудясь плавниками, продираюсь...* (выделено нами. – Е. К., А. К) [1: 241]. В стихотворении «Зачем он ходит? Я люблю одна...» антропоморфная и зооморфная сущности «уживаются» внутри лирической героини, сохраняя определенную автономность: *Но пёс во мне, хоть принуждён солгать, / загризок дыбит и таит рычанье* [1: 246].

Интересный пример олицетворения, выполняющего сюжетообразующую функцию, находим в поэме Ахмадулиной «Сказка о Дожде» [1: 577–585], где использован широкий спектр средств антропоморфизации. В частности, дождь персонифицируется благодаря превращению апеллятива в оним и включению олицетворяемого объекта (Дождя) в диалог. В тексте реализован приём актуализации внутренней формы стёртой языковой метафоры «дождь идет». (Анализ этой поэмы дан в статье: [5]).

Прием реализации метафоры в качестве средства создания антропоморфизма встречается у Ахмадулиной нечасто, но его использование всегда обращает на себя внимание. Так, в стихотворении «Вошла в лиловом в логово и в лоно...» реализуется в буквальный план метафорическое название цветов «анютины глазки»: *Анютиных дикорастущих глазок / здесь вдосталь, и, в отсутствие Анют, / их дикие глаза на скалолазов / глядят, покида с толку не собьют* [1: 323].

Интересные примеры антропоморфизации можно найти в стихотворении «Вокзальчик» [1: 353–355], жанр которого не квалифицируется поэтессой как сказка, но которое в то же время начинается традиционным сказочным зачином, играющим в тексте роль ведущего средства антропоморфизации неживого объекта, давшего название всему тексту: *Сердчишко жизни – жил да был вокзальчик* [1: 353]. «Оживают» и «очеловечиваются» в данном тексте и другие объекты вокзального мира (*Горбы котомок на перрон сходили. / Их ждал детей прожорливый привет; Пошла площадь пьяная цистерна*), и человеческие проявления, качества и чувства (*Сновала прыткость, супилось терпенье...; торгует ге-оргинами зевота; пинает лютость муку душ звериных*), и природные явления и объекты (*...прилив заманчиво и гадко / подводит счёт былому барахлу...; рябины радость*), и предметы привычного обихода (*...то ль вождь беды, то ль вестник подневольный, / ка-кого одинокого гиганта / сиротствует башмак на берегу?; франтит и бредит импорт домотканый*). Использование приёма антропоморфизма наряду с другими приемами позволяет Ахмадулиной передать гнетущее состояние души лирической героини, связанное с восприятием ею реальности начала 90-х годов на фоне размышлений о вечности.

Подытоживая вышесказанное, отметим, что в поэзии Ахматовой широко представлен прием антропоморфизма, создание которого связано с использованием антропоморфной метафоры разных типов. Поэтесса активно использует глагольную метафору, антропоморфную деталь, различные виды антропоморфных эпитетов, реализуя принцип отделённости от человека, перенесения во внешний мир его внутренних свойств, качеств и состояний, автономизации частей человеческого тела и т. п. В ряде случаев антропоморфизм приобретает текстообразующую функцию.

Полагая, что данная статья не исчерпывает заданной темы, перспективу исследования видим как в более детальном анализе в данном аспекте отдельных произведений Ахмадулиной, так и в характеристике других тропических средств в ее поэзии.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Ахмадулина Б. А. Полное собрание сочинений в одном томе / Б. А. Ахмадулина. М.: «Издательство АЛЬФА-КНИГА», 2012. 856 с.: ил. (Полное собрание сочинений в одном томе).
2. Гин Я. И. Поэтика грамматического рода. Петрозаводск: КГПИ, 1992. 162 с.
3. Ионова И. А. Морфология поэтической речи. Кишинев: Штиинца, 1988. 164 с.
4. Ковтунова И. И. Поэтический синтаксис. М.: Наука, 1986. 206 с.
5. Козлов Е. Д. Олицетворение в поэзии Ю. Мориц и Б. Ахмадулиной // Наукові записки ХНПУ ім. Г.С. Сковороди, 2016. Вип. 1(83). С. 89–101].
6. Нарушевич А. Г. Категория одушевленности-неодушевленности в свете теории поля: дисс. ... канд. филол. наук. Таганрог, 1996. 163 с.
7. Очерки истории языка русской поэзии XX века. Тропы в индивидуальном стиле и поэтическом языке / [под ред. В. П. Григорьева]. М.: Наука, 1994. 271 с.
8. Скоробогатова Е. А. Грамматические значения и поэтические смыслы: поэтический потенциал русской грамматики (морфологические категории и лексико-грамматические разряды имени): Монография / Елена Александровна Скоробогатова. Харьков: НТМТ, 2012. 480 с.

9. Черкасова Л. П. Выражение антропоморфности в лирике Б. Пастернака // Филологический сборник (памяти Ленины Павловны Черкасовой). Харьков: ХГПУ, 2003. С. 8–20.

Козлов С.Д., канд. філол. наук

Національний техніч. ун-т «Харківський політехн. інститут», Харків

Козлова А. Г., канд. філол. наук, доцент

Харківський нац. пед. ун-т імені Г.С. Сковороди, Харків

АНТРОПОМОРФНА МЕТАФОРА В ПОЕЗІЇ БЕЛЛИ АХМАДУЛІНОЇ

У статті розглядаються різноманітні приклади функціонування антропоморфної метафори у творчості одного з найбільш яскравих представників поезії «шістдесятників» – Белли Ахмадуліної. Автори дійшли висновку, що поетеса активно використовує дієслівну метафору, антропоморфну деталь, різні види антропоморфних епітетів, реалізуючи принцип відокремленості від людини, перенесення у зовнішній світ її внутрішніх властивостей, якостей та станів, автономізації частин тіла людини та ін. У деяких випадках антропоморфізм набуває текстоутворюючої функції.

Ключові слова: антропоморфна метафора, уособлююча деталь, реалізація метафори, риторичне звернення, онімізація апелятиву.

Kozlov I.D., PhD

National technical university “Kharkiv polytechnic institute”, Kharkiv

Kozlova A.G., PhD, docent

H.S. Skovoroda Kharkiv national pedagogical university, Kharkiv

ANTHROPOMORPHIC METAPHOR IN BELLA AKHMAULINA'S POETRY

The article deals with various cases of the functioning of the anthropomorphic metaphor in the works by Bella Akhmadulina, one of the most prominent representatives of the poetry of the “sixties”. It is concluded that the poetess actively uses the verbal metaphor; anthropomorphic detail, various types of anthropomorphic epithets, realizing the principle of separation from a person, transferring their inner properties, qualities and states to the outside world, autonomization of parts of the human body, etc. In some cases, anthropomorphism acquires text-forming function.

Key words: anthropomorphic metaphor, personifying detail, realization of metaphor, rhetorical appeal, onymization of appellative.

НАЦІОНАЛЬНІ МОВИ В ЇХ СПЕЦИФІЦІ І ВЗАЄМОДІЇ

<i>Остапенко М.</i> СХЕМИ МОТИВАЦІЇ ЕПОНІМІЧНИХ НАЗВ ХІМІЧНИХ ЕЛЕМЕНТІВ	5
--	---

ЛІНГВОКУЛЬТУРОЛОГІЧНА ІНТЕРПРЕТАЦІЯ ТЕКСТУ

<i>Мех Н.О.</i> ДУХОВНІ ДОМІНАНТИ УКРАЇНСЬКОЇ КУЛЬТУРИ В РОМАНІ ОЛЕСЯ ГОНЧАРА «СОБОР»	12
<i>Lomtadze T., Janjghava T.</i> LINGUISTIC COMPETENCE OF TSKHINVALI JEWS	17
<i>Аскерова І.А.</i> МЕТАФОРИЧНІ ОБРАЗИ ЕМОЦІЙНИХ СТАНІВ У ПОЛЬСЬКІЙ МОВНІЙ КАРТИНІ СВІТУ	21
<i>Козлов Е.Д., Козлова А.Г.</i> АНТРОПОМОРФНАЯ МЕТАФОРА В ПОЭЗИИ БЕЛЛЫ АХМАДУЛИНОЙ	28
<i>Вердиева Гюнай Вилаят кызы</i> ОБ ОСОБЕННОСТЯХ ЯЗЫКОВОЙ РЕФОРМЫ В СОВРЕМЕННОМ ИРАНЕ	36
<i>Гаджиева Сурайя</i> ВЗАИМОСВЯЗЬ ОМОНИМИИ И СИНОНИМИИ В СЛУЖЕБНЫХ ЧАСТЯХ РЕЧИ В АЗЕРБАЙДЖАНСКОМ ЯЗЫКЕ.	43

МІЖКУЛЬТУРНА КОМУНІКАЦІЯ

<i>Гуліч О.О.</i> ФОРМУВАННЯ МІЖКУЛЬТУРНОЇ КОМПЕТЕНЦІЇ СТУДЕНТІВ У ПРОЦЕСІ НАВЧАННЯ ІНОЗЕМНОЇ МОВИ	52
<i>Ли Хайин</i> ГОГОЛЕВЕДЕНИЕ В КИТАЕ: ПЕРЕВОД ПРОИЗВЕДЕНИЙ И ИХ РЕЦЕПЦИЯ В ТЕЧЕНИИ 100 ЛЕТ	56

МОВА СУЧАСНОГО МИСТЕЦТВА

<i>Yudkin-Ripun I.</i> GHOST-STORY AS A SCENIC FAIRY PLAY: IDIOMATIC MEANS OF SPONTANEITY IN HENRY JAMES' PROSE.	64
--	----

ХУДОЖНЯ ЛІТЕРАТУРА В КОНТЕКСТІ КУЛЬТУРИ

<i>Костенко Н.В.</i> МЕТРИКО-РИТМІЧНІ ТА ІНТОНАЦІЙНІ ТИПИ АКЦЕНТНОГО ВІРША МИХАЙЛЯ СЕМЕНКА	72
---	----